
РУССКИЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ В ПРАГЕ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.А. Родионова

Школа исторических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

На основе документов Русского заграничного исторического архива (РЗИА), хранящихся в Славянской библиотеке (г. Прага), в статье исследуется история становления, деятельности и повседневной жизни самого крупного архивного учреждения послереволюционной эмиграции. Освещается борьба политических группировок за право осуществлять руководство по формированию и сохранению документальной основы истории эмиграции, исследуются межличностные взаимоотношения и социальные практики сотрудников архива, не только его руководителей, но и рядовых, «незамечательных» людей, что позволяет восполнить лакуны в истории РЗИА.

Ключевые слова: Русский заграничный исторический архив (РЗИА), В.Я. Гуревич, Н.И. Астров, Ян Славик, повседневная жизнь, формы социального страхования сотрудников.

Введение

Обоснование темы. История Русского Заграничного Исторического архива (РЗИА), несмотря на довольно основательный корпус исследований, изучена недостаточно. В основном это историко-архивоведческая интерпретация истории создания, функционирования и вывоза РЗИА в СССР [2]. Отечественные историки старались удерживаться в рамках документального нарратива, не акцентируя внимание на проблемах повседневного функционирования этого учреждения. Лишь отдельные работы посвящены жизни и деятельности, главным образом, крупных ученых, руководителей РЗИА, в то время как судьбы людей второго плана, возможно, из-за недостатка источниковой базы, оставались вне внимания исследователей [3].

До недавнего времени считалось, что отдел архивных документов был полностью вывезен в СССР, однако в 90-е гг. XX в. в Славянской библиотеке были обнаружены несколько коробок с административными документами РЗИА: отчеты, протоколы заседаний различных комиссий и внутренних подразделений РЗИА, переписка по поводу пополнения архивной коллекции, личные дела сотрудников, финансовые документы.

Цели и задачи. Введение в научный оборот этих материалов открывает широкие возможности для проведения микроисторического анализа судеб отдельных акторов этой организации в контексте повседневной деятельности РЗИА, позволяет проанализировать, как складывались межличностные взаимоотношения и социальные практики сотрудников РЗИА, включая стратегии и степень адаптации к новой жизни.

Цель данного исследования – на основе материалов пражской Славянской библиотеки показать, что создание архива сопровождалось борьбой между различными политическими группировками эмиграции за осуществление руководства этим учреждением, выявить повседневные практики не только ключевых фигур РЗИА, но и «незамечательных» людей, людей второго плана, без чего современное знание об истории архива, этого, пожалуй, самого значительного научного учреждения послереволюционной эмиграции, остается не соответствующим его тогдашнему значению.

Исследование проблемы

Известно, что архив русской эмиграции был основан в 1923 г. в Праге, ставшей интеллектуальным центром русской эмиграции, Русским Оксфордом, благодаря широкомасштабной помощи русским эмигрантам (Русской акции), проводимой по инициативе первого президента ЧСР Т.Г. Масарика. Наличие специалистов, представлявших русскую историческую науку в Чехословакии, сделало возможным создание архива с целью не только «сохранить свою задокументированную память как часть культурного наследия России» [4], но и оправдаться перед последующими поколениями.

Архив был открыт при культурно-просветительном отделе в составе библиотеки пражского Земгора, став его структурным подразделением. В период с 1923 по 1928 г. архив подчинялся Земгору и финансировался чешским правительством через Земгор. Руководящим органом архива являлся Совет (председатель А.А. Кизеветтер). Все органы архива подчинялись Совету, им же выбирался управляющий (позднее директор) архива. Первым управляющим был В.Я. Гуревич, которого в 1928 г. сменил В.Г. Архангельский, которого в 1933 г., в свою очередь, сменил проф. Ян Славик [5].

В 1945 г. после окончания войны Архив был передан чешским правительством в дар Академии Наук СССР. Архивные материалы, ввиду их ценности, были размещены в помещении ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ), часть фондов – в различных архивохранилищах Москвы и других городов страны. Такова краткая история РЗИА.

Решение об организации архива было встречено критикой различных кругов эмиграции, пребывающей в процессе выяснения отношений и взаимных обвинений. Создатели архива свою задачу видели в создании архива «нефальсифицированных документов», в отличие от большевиков, «фальсифицирующих историю современности» [6]. Просоветски настроенная «Накануне»

отрицала объективность в формировании корпуса документов: «эмигрантщина для будущего историка пытается запечатлеть свой лик в красках сильно преувеличенных» [7].

С.П. Постников, член Заграничной делегации партии социалистов-революционеров, возглавивший отдел печатных изданий архива, признавал, что «пражский Земгор в своем составе был эсеровским и левоказачьим» [8]. Представители различных кругов эмигрантской общественности выступали против организации архива при эсеровском Земгоре, выражая опасения, что руководство архива будет следовать узкопартийным интересам.

Вопреки заявлениям Земгора о своей аполитичности и защите интересов всей эмиграции в целом его обвиняли в том, что «все дела вершатся по воле 2 групп в интересах эсеровской и казачьей эмиграции» [9]. Особенно протестовала правая часть русской эмиграции, «которая с недоверием относилась к Праге как к центру деятельности эсеров и других левых направлений» [10].

Создание Архива Русской эмиграции пресса интерпретировала как пример саморекламы Земгора. Правая печать обвиняла руководство Чехословакии в создании Земгора исключительно для того, чтобы могла безбедно существовать «сплоченная клика политических бездельников», именующих себя эсерами, которые, захватив все административные должности, назначили себе солидные оклады, «выкроив их из той сметы, которая предназначена на нужды беженцев» [11].

Кадетский «Руль» и милюковские «Последние новости» также выражали недовольство, что Русский архив оказался в руках эсеров: «Вопреки первоначальному замыслу организовать архив на “началах беспартийности”, аполитичности, с привлечением в состав его административного аппарата представителей разных общественных течений и образований» [12], архив «превратился в узко партийное предприятие» [13], возглавляемое двумя социалистами-революционерами В.Я. Гуревичем и С.П. Постниковым. Эти лица «эмигрантскую общественность» не устраивали прежде всего по причине их партийной принадлежности, которая, по их мнению, «не сможет обеспечить политическое беспристрастие учреждения в целом», поскольку «на службу привлекаются лишь партийные единомышленники руководителей архива» [14].

Тезис о том, что работа архива велась в строго научных рамках, далеких от какой-либо партийности, оставался лишь декларацией. Вопрос о допуске к документам архива решался в каждом отдельном случае Ученой комиссией РЗИА.

Н.И. Астров выступал резко против открытия архива для исследователей независимо от их партийной принадлежности. Обвинение в симпатиях к Советской России и сотрудничестве с ней закрывало доступ к архивным материалам, тем более лицам, приезжающим из СССР. Мнение Н.И. Астрова по вопросу о возможности предоставления фондов архива советским исследова-

дователям разделяли и другие руководители архива, в частности А.Ф. Шмурло и А.В. Флоровский.

По инициативе Н.И. Астрова было принято предложение о предоставлении Ученой комиссией права отказа в разрешении исследовательской работы с материалами архива без изложения мотивов такого отказа [15]. Так, в 1930 г. во время зарубежной командировки первый советский руководитель Главного управления архивным делом (Главархив) Д.Б. Рязанов посетил РЗИА и был ознакомлен с документами архива зав. отделом документов А.Ф. Изюмовым, подвергшимся затем ожесточенным нападкам со стороны коллег за то, что «показал весь архив, что был больше любезен, чем нужно». «Нажил много врагов» [16], – жаловался А.Ф. Изюмов в письме Б.И. Николаевскому на царившую в архиве «атмосферу пауков в банке» [17].

Вопрос об образовании в Праге Архива русской эмиграции вызвал оживленный обмен мнениями на Третьем съезде русских ученых 2 октября 1924 г. в Праге. Представитель Правления Союза русских академических организаций за границей академик П.Б. Струве доложил об участии в предварительных обсуждениях и мероприятиях, касающихся образования архива. Бурные дебаты вызвал вопрос о критериях, которым должно соответствовать руководство архива и его управляющий. Выражалось убеждение в том, что руководство архива должно осуществляться «компетентными учеными и общественными деятелями, имена и опыт которых могли бы действительно гарантировать должное использование собираемого материала» [18]. По мнению кадетских изданий, руководство архива, и особенно его управляющий эсер В.Я. Гуревич, к таковым не относилось [19]. В качестве руководителя архива предлагались кандидатуры кадетов П.Н. Милюкова, С.П. Мельгунова, А.А. Кизеветтера, П.К. Виноградова, В.А. Мякотина. Даже в интеллигентной эмигрантской среде буйным цветом цвел антисемитизм: многих не устраивала национальная принадлежность В.Я. Гуревича, говорилось о том, что русский архив должен возглавлять русский. В проект резолюции съезда была внесена поправка о том, что управляющим архивом должно быть лицо, «обладающее ученой степенью в исторических науках или известное своими трудами по историческим наукам». Гуревич этим критериям не соответствовал. Это предложение вызвало чрезвычайно живой обмен мнений.

При первом голосовании поправка была принята большинством в один голос, при вторичном голосовании также большинством одного голоса отклонена [20].

Пятилетие работы Гуревича на посту управляющего исследователи называют «Золотым веком» архива [21]. Несмотря на то, что в работе управляющего архивом не было выявлено недостатков, в 1928 г. В.Я. Гуревич был смещен. Причина – изменение отношения к нему со стороны руководства МИД в связи с его негативной оценкой включения РЗИА в состав МИД ЧСР [22]. Исполнителем акции смещения эсера В.Я. Гуревича явился кадет Н.И. Аст-

ров, обвинивший управляющего архивом в нарушении финансовой дисциплины.

Дело в том, что по решению хозяйственной комиссии РЗИА срок хранения денежных средств архива в созданной в 1926 г. ссудно-сберегательной кассе «Славянская взаимность» не должен был превышать четырех месяцев. Продление Гуревичем срока хранения денежных средств архива без разрешения хозяйственной комиссии РЗИА Н.И. Астров расценил как самоуправство и должностное преступление, невзирая на то, что средства за период продления удвоились. Комиссия, созданная для разрешения конфликта, не согласилась с обвинениями Астрова и не квалифицировала деяние управляющего как должностное преступление, однако, тем не менее, Гуревич вынужден был снять свою кандидатуру на выборах нового управляющего архивом.

Управляющим РЗИА по предложению Н.И. Астрова был избран эсер В.Г. Архангельский, чья центристская позиция была более близка Астрову. Гуревичу была объявлена благодарность, но в Совет архива он включен не был. Оппозиция обвиняла руководство архива в том, что «административные расходы были непомерно раздуты в ущерб оплате труда ученых, на которую были ассигнованы ничтожно малые суммы» [23]. Подобные обвинения не были безосновательными: зарплата сотрудников архива была ниже, чем средняя зарплата чехов, однако для русских эмигрантов попасть в архив считалось большой удачей. И здесь не обходилось без nepoтизма: «В Русском архиве платили мало, хотя для того, чтобы попасть сюда на работу, нужна была очень сильная рука – русская и чешская» [24], – вспоминал Д. Мейснер.

Положение об архиве предусматривало вполне «социал-демократические» условия труда и меры в области социального страхования. Помимо всех праздников, установленных правительством ЧСР, сотрудники архива имели один нерабочий день в неделю, а также не работали в традиционные православные праздники: первые 2 дня православного Рождества и Пасхи, а также Субботу Страстной Седмицы. Эсеровское руководство в эмиграции осуществило на практике программные положения своей партии о продолжительности рабочего дня, ограничив его шестью часами в день и шестью днями в неделю [25], превзойдя в этом установления советской власти. (Постановлением советского правительства 29 октября 1917 г. был установлен 8-часовой рабочий день для всех трудящихся.) [26].

Согласно Положению о Русском заграничном историческом архиве дискриминация в оплате труда по гендерному признаку отсутствовала: труд женщин и мужчин при одинаковом объеме работы оплачивался одинаково. Женщины, служащие в архиве, освобождались на время родового периода от работ с сохранением содержания в течение установленного законом времени, но на срок не менее 6 недель [27]. В советской России согласно Кодексу законов о труде, вступившему в силу 15 ноября 1922 г., женщины, занятые физическим трудом, имели право на получение оплачиваемого отпуска по беременности и родам в течение 8 недель до и 8 недель после родов, прочие –

на 6 недель до и 6 недель после родов [28]. Однако в Советской России главная проблема состояла в воплощении принятых законов на практике. Многие из них из-за отсутствия механизма реализации долгое время оставались только на бумаге. И лишь в 1952 г. в СССР был введен двухнедельный гарантированный декретный отпуск по беременности и родам.

Положение об Архиве содержало многочисленные льготы по социальному страхованию сотрудников архива. Так, прослуживший в архиве не менее 5 с половиной месяцев имел право на двухнедельный отпуск, не менее 11 месяцев – месячный отпуск с сохранением содержания.

В случае увольнения в связи с сокращением штатов сотрудники РЗИА при стаже работы в архиве до 5 лет имели право на пособие в размере трехмесячной зарплаты, при стаже более 5 лет – 6-месячной, при стаже 15 лет – годовой и при 20-летнем стаже – 18-месячной заработной платы [29].

В случае продолжительной болезни служащий, по заключению врача, при служебном стаже менее 10 лет имел право на «полное содержание по службе» в течение 9 мес., при стаже свыше 10 лет – в течение года. В последние 3 месяца болезни проводилось медицинское освидетельствование. В случае если по заключению врачей оставалась надежда на выздоровление больного, место за ним сохранялось без сохранения содержания. В противном случае после года болезни сотрудник должен был быть уволен.

В случае смерти штатного служащего его вдова (или разведенная не по своей вине его жена) и дети, а за их отсутствием – находящиеся на иждивении служащего родители и родные братья и сестры покойного получали единовременную сумму в размере четверти полного годового служебного содержания умершего служащего [30]. Таким образом, некоторыми льготами, которыми пользовались сотрудники архива, мы не обладаем до сих пор.

Подобное мощное социальное страхование делало службу в архиве вожаделенной мечтой многих эмигрантов. Сотрудники архива принимались на работу на конкурсной основе.

По действующему положению, решающее слово при приеме сотрудников на работу в архив принадлежало Уполномоченному МИД, проф. Яну Славичу, который в принятии решения опирался на заключение Ученой Комиссии и Совета [31]. Однако поддержка «сильных мира сего» играла не последнюю роль. На проводившийся в 1928 г. конкурс по замещению вакантной должности сотрудника отдела документов с зарплатой 1218 крон было подано 59 заявлений. Годичный испытательный срок на этой должности успешно прошел М.М. Зайцев, что засвидетельствовал зав. отделом документов А.Ф. Изюмов. Проф. А.А. Кизеветтер и проф. А.В. Флоровский также поддерживали кандидатуру М.М. Зайцева, отметив, что соискатель учился 4 семестра на историко-филологическом факультете Московского университета и закончил Русский юридический факультет в Праге (1928 г.), занимался историей русского права, то есть кандидатура М.М. Зайцева соответствовала всем формальным критериям.

Проф. Ян Славик, не возражая против кандидатуры Зайцева, посчитал целесообразным предложить кандидатуры В.С. Минахоряна в интересах установления связей с деятелями Кавказа и привлечения материалов по Кавказскому революционному движению, а также Д.И. Мейснера и Н.А. Еленева. Последние были сотрудниками газ. «Последние новости». Кандидатуру Зайцева поддержал Н.И. Астров, и это решило исход дела.

Вскоре Мейснер, которого активно продвигал П.Н. Милюков, также будет принят в газетный отдел Архива (1929 г.), для чего потребовалась мощная протекция Милюкова, «замолвившего словечко перед президентом Масариком» [32].

Дм. Мейснер признавался, что работа в архиве была для него синекурой: она «не занимала слишком много времени и не была в центре его интересов и его жизни» [33], несмотря на то, что проработал он в архиве 16 лет (1929–1944). Откровения Мейснера подтверждают многочисленные заявления о предоставлении ему внеочередных отпусков, о возвращении из отпуска позже положенного срока, о невыходе на работу по болезни, отложившиеся в его личном деле [34].

Отношение к «болезненным» сотрудникам было довольно снисходительным. Так, после отъезда на лечение в Париж заболевшей туберкулезом совмещавшей должности машинистки и переводчицы П.В. Азанчевской на ее место была взята А.Н. Церазова с 2-недельным испытательным сроком. Претендентов было 7, но было учтено худшее материальное положение Церазовой, несмотря на то, что ее главная конкурентка Г.И. Антипова, приемная дочь сенатора С.В. Завадского, больше соответствовала искомой должности: «технически лучше и быстрее работает и владеет языками» [35]. Несмотря на то, что испытательный срок Церазова не выдержала («печатала медленно и не владела чешским языком» [36]), увольнять ее не торопились, проявляя сочувствие к ее бедственному материальному положению,

При обсуждении вопроса о необходимости увольнения не справившейся со своими должностными обязанностями машинистки накал страстей был таков, что проф. Славик выразил удивление способности русских устраивать бурные дебаты с выяснением отношений и с обсуждением политической позиции спорящих по самому ничтожному поводу. На самом деле машинистка Церазова была пешкой в большой игре, и положительное решение по ее делу означало победу той или иной группировки в архиве.

В итоге на должность машинистки-переводчицы была взята Г.П. Антипова, проработавшая в архиве без малого десять лет (1930–1939) [37]. Эта кандидатура также не была удачной: ее объемное личное дело содержит 70 листов: за исключением двух листов автобиографии все остальные документы – справки по болезни и объяснительные записки о причинах невыхода на работу, из которых можно составить длинный перечень заболеваний, которыми переболела машинистка Антипова за время ее службы в архиве: «желудочно-кишечное расстройство, мигрень, плеврит, ишиас, заражение крови на

почве гинекологического заболевания, ларингит, ангина, острое воспаление седалищного нерва, грипп, бронхит с высокой температурой, еще раз плеврит» и т.д. [38].

Подобное поведение сотрудников было, скорее, исключением из общего правила. Личные дела сотрудников свидетельствуют об их добросовестном и ответственном отношении к своим служебным обязанностям. Так, Л.Ф. Магеровский, зав. газетным отделом, в заявлении на имя управляющего архивом В.Г. Архангельского счел необходимым отказаться от месячного отпуска, полагающегося ему по истечении года его службы в архиве [39], «в целях восполнения утерянных рабочих часов в связи с его более поздней явкой на службу по утрам в связи с занятостью в утренние часы журналистской работой» [40].

Оппозиция подвергала сомнению научные достоинства архива, считая, что материалы для него «скупаются без всякой системы» [41]. Случаи изготовления фальшивок с целью заработать действительно были.

Представители архива работали во многих странах, их задачей было выявление и приобретение документов, которые могли бы представлять ценность для архива. Наиболее успешные помимо ежемесячного содержания получали премиальные.

Представителем архива в Болгарии был некто Анатолий Бинецкий, который заказывал разным лицам изготовление рукописей, а затем под своим именем перепродавал их в архив. Сфабрикованный на скорую руку мемуар некоего Савицкого, озаглавленный «Молодежь», выданный Бинецким за свои воспоминания, попал на экспертизу к члену Ученой комиссии Н.И. Астрову, в чьи прерогативы входило заключение о целесообразности приобретения тех или иных архивных материалов.

Бизнесу Бинецкого был положен конец, когда в архив попал дневник Савицкого, в котором тот откровенно пишет о выполнении заказа Бинецкого на воспоминания в надежде получить обещанный Бинецким гонорар в 2 тыс. левов, который позволил бы ему освободиться от изнурительного труда в летние месяцы на шахтах Перника в Болгарии. Афера была разоблачена, и агентом по выявлению документов для архива в Болгарии был назначен вместо А. Бинецкого А.В. Арцишевский, представитель Земгора, курировавший школьное дело в Софии.

Выводы

Русский заграничный исторический архив в Праге как часть эмигрантского сообщества воспроизводил ситуацию в эмиграции в целом, где потерпевшие поражение политические деятели разных направлений обвиняли друг друга, пытались оправдаться и боролись за первенство в сохранении «своей» истории эмиграции. Архив также стал если не ареной, то площадкой ожесточенной политической борьбы, где скрещивались политические взгляды, лич-

ные пристрастия и антипатии. Вопреки заявлениям руководства архива о его «аполитичности» архив не мог оставаться вне политики. Это был архив белой эмиграции, что определяло тематику комплектуемых материалов, позицию исследователей (инакомыслящие в архив не допускались), подбор кадров.

Изучение повседневной жизни РЗИА позволяет взглянуть на деятельность этого научного учреждения изнутри, оценить драматизм создания русского архива вне России, уточнить биографические данные и личностные характеристики не только первых лиц архивного дела, но и «незамечательных людей», из переплетения судеб которых состоит разноцветное полотно истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Павлова Т.Ф. Русский заграничный архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11; Попов А.В. Белая эмиграция и русские архивы в Европе // Российская эмиграция в 1920-е гг. в Праге. Материалы Всероссийской научно-практической конференции г. Воскресенск, 14–15 марта 2013 г. Воскресенск. 2013; Серапионов Е. Русский заграничный исторический архив как хранитель национального наследия // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России. СПб.: Алетей, 2011; Серковская Л.В. «Пражский архив» и современная литература о Русском зарубежье // Новый исторический вестник. 2010. № 2; Серковская Л.В. Из истории Русского заграничного исторического архива (РЗИА): проблемы методологии, теории и практики исследований // Вестник архивиста. 2011. № 2; Хорхордина Т.И., Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге – документация: каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Госуд. Архиве Рос. Федерации // Отечественные архивы. 2012. № 4; Хорхордина Т.И. Русский заграничный исторический архив как социокультурное явление // Российская эмиграция в 1920-е гг. в Праге // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Воскресенск, 14–15 мая 2013 г. Воскресенск, 2013.
- [2] Бабка Л. РЗИА и исторические труды Яна Славика // Нансеновские чтения. 2008. СПб., 2009; Павлова Т.Ф. А.Ф. Изюмов и РЗИА // Отечественные архивы. № 4. 1996; Петрушева Л.И. Русский заграничный исторический архив и ученые-эмигранты в Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008; Хорхордина Т.И. Новое о Русском заграничном историческом архиве: события и люди // Вестник архивиста. 2006. №№ 4–5.
- [3] Бабка Л. РЗИА и исторические труды Яна Славика... С. 319.
- [4] Там же. С. 310.
- [5] Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. л. 4 об.
- [6] Русские за рубежом // Накануне. № 131. 1924 г. 12 июня. С. 5.
- [7] ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 805. Л. 7.
- [8] Постановления съезда русских ученых // Руль. № 1168. 1924. 5 октября. С. 4.
- [9] Русский заграничный исторический архив в Праге (далее Т – RZIA). Каталог собраний документов, хранящихся в Пражской Славянской библиотеке. Прага, 2011. С. 14.

- [10] Русская мысль. Нью-Йорк, № 115. 1924. 16 мая. С. 3.
- [11] Оппозиция в пражском Земгоре // Руль. № 1020. 1924. 11 апреля. С. 4.
- [12] Русский архив за границей // Последние новости. № 1267. 1924. 12 июня. С. 5.
- [13] Оппозиция в Пражском Земгоре... С. 4.
- [14] Т – RZIA. Раздел 2. Глава 5. Запись 5. (2-5-5) 1928. 2 ноября. Л. 3.
- [15] А.Ф. Изюмов – Б.И. Николаевскому, 20.10.1930 // ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 11. Л. 118 об.
- [16] А.Ф. Изюмов – М.М. Карповичу, 16.11. 1929 // ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 12. Л. 94.
- [17] Постановления съезда русских ученых // Руль. № 1168. 1924. 5 октября. С. 4.
- [18] Русский архив за границей // Последние новости... С. 5.
- [19] Постановления съезда русских ученых // Руль. № 1168. 1924. 5 октября. С. 4.
- [20] Серковская Л.В. Из истории Русского заграничного исторического архива (РЗИА). С. 159.
- [21] Петрушева Л.И. Русский заграничный... С. 131–132.
- [22] Оппозиция в Пражском Земгоре... С. 4.
- [23] Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С.184.
- [24] Т-RZIA 2-3-3. Л. 31.
- [25] Рябинина Н.В. Социальная политика Советской России (октябрь 1917–1920 гг.). Женщина, семья и дети в новом обществе. Ярославль, 2004. С. 75.
- [26] Т-RZIA. 2-3-3. Л. 31.
- [27] Собрание узаконений рабоче-крестьянского Правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1922. № 70. Ст. 903.
- [28] Т-RZIA. 2-3-3. Л. 28.
- [29] Там же. Л. 31.
- [30] Там же. 2-5-8. Л. 5–6.
- [31] Мейснер Д. Миражи и действительность... С.184.
- [32] Там же. С. 183.
- [33] Т-RZIA. 4-00-28. Л. 43.
- [34] Там же. 2-3-14. Л. 1.
- [35] Там же. Л. 6.
- [36] Там же. 4 -00-04. Л. 62.
- [37] Там же. Л. 64.
- [38] Там же. 4-00-26. Л. 5.
- [39] Там же. 4-0026. Л. 31.
- [40] Оппозиция в Пражском Земгоре... С. 4.

REFERENCES

- [1] Pavlova T.F. Russkij zagranichnyj arhiv v Prage. *Voprosy istorii – [Questions of history]*, 1990, no. 11; Popov A.V. Belaja jemigracija i russkie arhivy v Evrope. *Rossijskaja jemigracija v 1920-e gg. v Prage. Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii g. Voskresensk, 14–15 marta 2013 g.* [Russian emigration in the 1920s in Prague. Proceedings of the scientific-practical conference. Voskresensk, March 14–15, 2013]. Voskresensk, 2013; Serapionova El. Russkij zagranichnyj istoričeskij arhiv kak hranitel' nacional'nogo nasledija. *Migracija i jemigracija v stranah Central'noj i Jugo-Vostočnoj Evropy v XVIII–XX vv. Sohranenie nacional'noj identičnosti i istoriko-kul'turnogo nasledija Rossii* [Migration and emigration in the countries of Central and

- South-Eastern Europe in XVIII–XX cc. Preservation of national identity and historical and cultural heritage of Russia]. St.-Peterburg: Aleteya, 2011; Serkovskaja L.V. «Prazhskij arhiv» i sovremennaja literatura o Russkom zarubezh'e. *Novyj istoricheskij vestnik* – [New Historical Journal], 2010, no. 2; Serkovskaja L.V. Iz istorii Russkogo zagranichnogo istoricheskogo arhiva (RZIA): problemy metodologii, teorii i praktiki issledovanij. *Vestnik arhivista* – [Herald of an archivist], 2011, no. 2; Horhordina T.I., Serkovskaja L.V. Russkij zagranichnyj istoricheskij arhiv v Prage – dokumentacija: katalog sobranij dokumentov, hranjashhihsja v prazhskoj Slavjanskoj biblioteke i v Gosud. Arhive Ros. Federacii. *Otechestvennye arhivy* – [National archives], 2012, no. 4; Horhordina T.I. Russkij zagranichnyj istoricheskij arhiv kak sociokul'turnoe javlenie. *Rossijskaja jemigracija v 1920-e gg. v Prage. Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii g. Voskresensk, 14–15 maja 2013 g.* [Russian emigration in the 1920s in Prague. Proceedings of the scientific-practical conference. Voskresensk, March 14–15, 2013]. Voskresensk, 2013.
- [2] Babka L. RZIA i istoricheskie trudy Jana Slavika. *Nansenovskie chtenija* [Nansen Readings, 2008]. St.-Peterburg, 2009; Pavlova T.F. A.F. Izjumov i RZIA. *Otechestvennye arhivy* – [National archives], no. 4, 1996; Petrusheva L.I. Russkij zagranichnyj istoricheskij arhiv i uchjonye-jemigranty v Chechoslovakii. *Rossijskie uchjonye-gumanitarii v mezhoennoj Chechoslovakii* [Russian scientists in the humanities in interwar Czechoslovakia]. Moscow, 2008; Horhordina T.I. Novoe o Russkom zagranichnom istoricheskom arhive: sobytija i ljudi. *Vestnik arhivista* – [Herald of an archivist], 2006, no. 4–5.
- [3] Babka L. RZIA i istoricheskie trudy Jana Slavika, p. 319.
- [4] Ibid., p. 310.
- [5] State Archive of the Russian Federation (GARF), f. R- 962, op. 1, d. 12, l. 4 op.
- [6] Russkie za rubezhom. *Nakanune* – [On the eve], no. 131, 1924, June 12, p. 5.
- [7] GARF, f. 5881, op. 1, d. 805, l. 7.
- [8] Постановления съезда русских ученых. *Rul'* – [The Handlebar], 1924, October 5, p. 4.
- [9] Katalog sobranij dokumentov, hranjashhihsja v Prazhskoj Slavjanskoj biblioteke Praga. *Russkij zagranichnyj istoricheskij arhiv v Prage* [Russian foreign historical archive in Prague] (T-RZIA), 2011, l. 14.
- [10] *Russkaja mysl'* – [Russian thought]. New-York, no. 115, 1924, May 16, p. 3.
- [11] Oppozicija v prazhskom Zemgore. *Rul'* – [The Handlebar], 1924, April 11, p. 4.
- [12] Russkij arhiv za granicej. *Poslednie novosti* – [The Last News], 1924, June 12, p. 5.
- [13] Oppozicija v Prazhskom Zemgore. *Rul'* – [The Handlebar], 1924, April 11, p. 4.
- [14] T-RZIA, part 2, ch. 5, note 5, 1928, November 2, l. 3.
- [15] GARF, f. R-5962, op. 1, d. 11, l. 118 op.
- [16] Ibid., d. 12, l. 94.
- [17] Postanovlenija s'ezda russkih uchjonyh. *Rul'* – [The Handlebar], 1924, October 5, p. 4.
- [18] Russkij arhiv za granicej. *Poslednie novosti* – [The Last News], 1924, June 12, p. 5.
- [19] Postanovlenija s'ezda russkih uchjonyh. *Rul'* – [The Handlebar], 1924, October 5, p. 4.
- [20] Serkovskaja L.V. Iz istorii Russkogo zagranichnogo istoricheskogo arhiva, p. 159.
- [21] Petrusheva L.I. Russkij zagranichnyj istoricheskij arhiv, pp. 131–132.
- [22] Postanovlenija s'ezda russkih uchjonyh. *Rul'* – [The Handlebar], 1924, October 5, p. 4.
- [23] Mejsner D. *Mirazhi i dejstvitel'nost'*. *Zapiski jemigranta* [Mirages and realities. Notes of expat]. Moscow, 1966, p. 184.
- [24] T-RZIA, part 2, ch. 3, note 3, l. 31.
- [25] Rjabinina N.V. *Social'naja politika Sovetskoj Rossii (oktjabr' 1917–1920 gg.)*. *Zhen-shhina, sem'ja i deti v novom obshhestve* [Social policy of Soviet Russia (October

- 1917–1920 гг.). The woman, the family and children in the new society]. Yaroslavl', 2004. p. 75.
- [26] T-RZIA, part 2, ch. 3, note 3, l. 31.
- [27] Sobranie zakonov raboche-krest'janskogo Pravitel'stva RSFSR [Collection of Laws of Workers and Peasants' Government of RSFSR], 1922, no. 70, article 903.
- [28] T-RZIA, part 2, ch. 3, note 3, l. 28.
- [29] Ibid., l. 31.
- [30] Ibid., part 2, ch. 5, note 8, ll. 5–6.
- [31] Mejsner D. *Mirazhi i dejstvitel'nost'. Zapiski jemigranta*, p. 184.
- [32] Ibid., p. 183.
- [33] T-RZIA, part 4, ch. 00, note 28, l. 43.
- [34] Ibid., part 2, ch. 3, note 14, l. 1.
- [35] Ibid., l. 6.
- [36] T-RZIA, part 4, ch. 00, note 4, l. 62.
- [37] Ibid., l. 64.
- [38] Ibid., part 4, ch. 00, note 26, l. 5.
- [39] Ibid., l. 31.
- [40] Opozicija v Prazhskom Zemgore, p. 4.

RUSSIAN FOREIGN HISTORICAL ARCHIVE IN PRAGUE: HISTORY OF FORMATION AND ACTIVITIES

N.A. Rodionova

School of Historic Sciences
National Research University "The Highest School of Economics"
Myasnitskaya St., 20, Moscow, Russia, 101000

The author researches the materials of the Prague Slavonic library to show the struggle of various political groups in exile for the leadership.

The analysis of the documents leads to the conclusion that the socialist-revolutionary leadership of the Russian foreign historical archive in Prague was severely criticized by politicians of different lines, seeking to occupy the key positions in the archive to leave "their" history of emigration to descendants. The examination of the personal records of employees reveals their attitude to the duties and to the archive as a whole. The majority of the staff saw their work in the archive as an honorable mission to preserve the "documented" memory of emigration as a part of the cultural heritage of Russia.

Key words: Russian Foreign Historical Archive (RFHA), V.Ya. Gurevich, N.I. Astrov, Jan Slavik, everyday life, forms of employees' social insurance.